

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Дементьев В.В.
Саратов, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ: РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И ОППОЗИЦИИ

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Рецензия на монографию Казимежа Люциньского «Языковые заимствования и ментальность: О влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингвокультурного коллектива. На материале русского языка в сопоставлении с польским» (Кельце, 2010. 193 с.)

Ключевые слова: заимствования, семантика, когнитивная лингвистика, посткоммунистическая эпоха.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет.

Контактная информация: E-mail: dementevvv@yandex.ru.

Dementyev V.V.
Saratov, Russia

LANGUAGE BORROWINGS: RUSSIAN-POLISH SIMILARITIES AND OPPOSITIONS

ГЧТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.19

Abstract. This is a review of the monograph by Kazimierz Lucinsky «Language Borrowings and Mentality: On the Influence of Borrowed Language Means upon Mentality of Lingo-cultural Community. On the Basis of the Russian Language compared with Polish (Kielce, 2010.193p.)»

Key words: borrowings, semantics, cognitive linguistics, post-communist epoch.

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

И лингвисты, и нелингвисты согласятся с тем, что вопрос английских заимствований в русском языке, как и польском, – вопрос и важный, и непростой. Действительно, одной из самых актуальных проблем современной русистики и полонистики является анализ английских заимствований, их семантики, судьбы в языке и речи, с обязательным привлечением широкого культурно-исторического фона, параметров соответствующих культурных и языковых картин мира, вплоть до особенностей национального характера и острозлободневных политических тенденций, которые обуславливают те или иные реакции на соответствующие слова.

В монографии Казимежа Люциньского «Языковые заимствования и ментальность: О влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингвокультурного коллектива. На материале русского языка в сопоставлении с польским» анализируются новейшие английские заимствования посткоммунистической эпохи (и некоторые неанглийские, но ставшие весьма заметными, такие как пришедшее из испанского слово *мачо*, греческого – *харизма*).

Актуальность и, я бы сказал, современность рецензируемой монографии подчеркивается тем, что автор использует чрезвычайно активно развивающуюся в последние годы и в русистике, и в мировой лингвистике когнитивную теорию, методику и терминологию, которая, конечно же, дает для названных целей очень многое. Языковая судьба заимствований неразрывно связана с когнитивной судьбой представлений, которые, собственно, и заимствуются,

формируются, трансформируются (или **не** заимствуются – но автор, по-видимому, считает, что слов-заимствований **без** новых представлений вообще не бывает: по крайней мере, такое впечатление складывается из приводимой на с.94 классификации заимствований по функциям и семантическим отношениям с уже существующими словами).

Автор обнаруживает обширную эрудицию, опирается на, несомненно, наиболее значительные, а также новые и новейшие идеи как из западной когнитивной науки, так и соответствующих восточных – славянских. (Впрочем, здесь иногда возникают и недоразумения: так, автор очень хорошо знаком с действительно глубокой книгой И.В. Приваловой, однако представляющиеся принципиально важными для его исследования когнитивные идеи В.И. Карасика о разных типах концептов, стоящих за заимствованиями, цитирует по Приваловой (с.6), хотя целый ряд книг Карасика вышел в том же московском издательстве «Гнозис», что и книга обильно цитируемой автором Приваловой.)

В то же время оригинальный подход Казимежа Люциньского демонстрирует не только творческий потенциал самого автора, но и способность когнитивной науки к здоровой экспансии, модернизации с учетом особенностей нового материала. Так, центральная единица анализа, которой оперирует автор, – *логоэпистема* – заимствована даже не из когнитивной науки (или, так сказать, из науки «самой когнитивной» – философии). Автор исходит из того, что «вхождение новых слов со значениями, ранее неизвестными принимающему языку, ведет к появлению средств для формирования и но-

вой идеи <...> концептуальной метафоры» (с. 28-29).

Следует подчеркнуть, что автор, рассуждая о русском языке в значительной степени как outsider, «со стороны», демонстрирует не только замечательное владение русским языком, причем новейшего периода (автор в целом хорошо чувствует русский язык, если прибегнуть к такому нелингвистическому, но по своему очень точному выражению, — за редким исключением: я, например, никак не включил бы слова *метросексуал* и *яппи* в число «ключевых слов новой эпохи», в отличие от *гламура* или *креатива*), но и замечательно обширные знания в области новейшей русской истории, культуры, в том числе — политики и целого ряда популярных, влиятельных и просто модных тенденций, «трендов», таких как последствия глобализации, формирование новой «культуры потребления» и «культуры глянцевого журнала», «клиповое восприятие реальности», новые гендерные тенденции в молодежной культуре, наконец, формирование «телесного императива».

Как лингвист, я не могу не отметить замечательно глубокий собственно лингвистический анализ концептов *лицо* и *тело*: в монографии находим более или менее детальный, но несомненно добросовестный семантический анализ таких ярких заимствований в данных сферах, как *имидж*, *модель* (квазисиноним слова *манекенищица*), *шейпинг*, *кастинг*, *фэшн*, *боди* и *бодибилдинг*, *лифтинг*, *визажист* и др.

Следует отметить, что выбор именно этих концептов представляется удачным: во-первых, вся логика культурологического анализа Казимежа Люциньского как будто бы подводит к мысли о постепенной победе материальных, «телесных» — но развившихся в обществе, ставшем более свободным, — ценностей над ценностями духовными — но в значительной степени навязываемыми насильно.

Во-вторых, если говорить о данных (и других) концептах в свете и терминологии лингвокультурологической концептологии, в которой выделяются понятийный, образный и ценностный компоненты концепта, взгляд автора представляется мне ярко выраженным **образно-ориентированным**. Этим обеспечивается, с одной стороны, то, что книга Казимежа Люциньского представляет собой необыкновенно захватывающее чтение благодаря образному «кинематографичному» языку, с другой — становится вполне понятным, почему именно *лицо* и *тело* в этом образном отношении представляют совершенно особый интерес.

В-третьих, детальное изучение именно образного компонента концепта предполагает самый широкий анализ **метафорических** производных (особенно концептуальных метафор, которые складываются в прямой зависимости от исходного образа), с позиций традиционной и новой — когнитивной — семантики.

Автор прекрасно понимает это. Цель книги, как ее определяет он сам, — «сквозь призму заимствованной лексики посмотреть на ключевые понятия современной культуры, задающей прототип развития в наших странах, и попытаться осмыслить формы влияния этих заимствований на менталитет/ментальность носителей принимающих культур» (с.191). Главный вывод, который делает автор, состоит в том, что нынешняя культура — это *шоппинг-культура*, которая и формирует *the metaphors we live by*: человек — артефакт, тело — неодушевленный объект, лицо — маска, мир — супермаркет, политика — это маркетинг.

В целом в книге Казимежа Люциньского читатель находит **множество** интересных, «вкусных» **находок**, нетривиальных наблюдений как **общего** характера, из области «ценностной картины мира» в целом, таких как сравнение современного экстралингвистического контекста с приходом заимствованной лексики в Петровский период (ср.: «Книжность заимствований в советскую эпоху сопоставима с заимствованием лексики из церковных книг в период причащения к христианству языческой Руси, соответственно, окруженной ореолом “эксклюзивности”» (с.37), так и детализованного **частного** характера, например, рассуждения об отличиях *имиджа* от *образа* и *вида*: «В памяти оставался образ любимой / любимого (*светлый образ / милый образ / образ матери*). Представьте теперь синонимическую замену: *светлый образ* — “*светлый имидж*”» (с.62) или *модели* от *манекенищицы*: «*модель*, кроме того что ее деятельность связана не только и столько с показом одежды на подиумах, сколько с фото-видеосъемками, отличается от *манекенищицы* тем, что призвана задавать параметры, по которым выстраивают себя или должны выстраивать себя те, кто стремится к произведению должного впечатления в обществе, где господствуют визуально воспринимаемые ценности. См. первое значение слова *модель* ‘образцовый экземпляр изделия, а также образец для изготовления чего-л’ (МАС)» (с.72-73) — или рассуждения об отличиях заимствований в русском и польском языках, например *мега* — как интенсификатор качества в русском языке и его отсутствие в польском (с.56).

Справедливости ради следует отметить, что не всегда решения автора и проводимые им содержательные параллели вызывают согласие, в том числе — решения общего характера, например, принимаемая им некритично социологическая (или политологическая) идея о том, что Россия — это «полигон испытания новых культурных моделей, связанных с процессом глобализации» (с.30).

В целом принятая автором модель — идеология потребления, характерная для капиталистического общества, пришедшего на смену коммунистическому, порождающая иной взгляд на мир и соответственно иные дискурсивные

практики, а главное (с точки зрения автора) – новые метафоры, выглядит убедительно, будучи перенесенной с собственно потребления, «шопинга» на глянцево-журналы, рекламу и политическую коммуникацию.

В то же время некоторые параллели, которые проводит автор, производят впечатление «спрямления углов», упрощения, например: «В советском прошлом политические отношения определялись через метафоры борьбы: соответственно, политические субъекты занимали позиции борцов, выступали на переднем крае борьбы за коммунизм и побеждали врагов самого передового общественного строя. В недавнем прошлом, когда на смену выборам с заранее запланированным итогом пришли демократические “сражения”, политика стала ассоциироваться с шоу» (с.125) – но ведь самые популярные современные шоу и есть *агональные* [Дешевова 2010].

Понятно, что невозможно «объять необъятное», однако у меня сложилось впечатление, что монографию *обедняет* отсутствие исследования некоторых явлений: в частности, думается, стоило прокомментировать такие новейшие заимствования, как *киллер* и *бойфренд*, за каждым из которых стоит целая идеология (причем если *киллер* еще как-то вписывается в «идеологию общества потребления», о которой говорится в монографии, то *бойфренд* – вряд ли).

С моей точки зрения, недостаточно внимания уделено интереснейшему слову *гламур*: автор хотя и признает, что слово «стало маркой, стилем, ориентиром жизни тех, кто хочет выглядеть богатым и успешным» (с.83-84), не учитывает интересных тенденций: *гламур* было признано «словом года» в 2007 году [Эпштейн 2008], несмотря на то что содержание данного концепта еще только формируется и во многом остается неопределенным: *гламур* – это и утонченность ~ и дурновкусие; и элитарность ~ и неразборчивость; и острота эксперимента, эпатаж ~ и приторная, «розовая» слащавость; и пестрота ~ и однообразие; требованиям «гламурности» трудно соответствовать ~ и гламур означает упрощенность и «уплощенность» мыслей, чувств, отношений...

Кажется несколько механистичным вывод на с. 163-165: то, что американский “*Glamour*” – женский журнал, а в современной России не являются аномальными выражения *мужской гламур*, *гламур для мужчин*, автор считает свидетельством унисекса, метросексуальности современной российской культуры. Но вряд ли есть смысл оценивать явления одной культуры с точки зрения того, что они значат (или значили до своего заимствования) в совсем другой культуре – англо-американской.

Думается, что для правильного понимания значения слова *гламур* в современной русской культуре было бы полезно провести параллель между сегодняшней экспансией *гламура* и оче-

видно сущностно близкой экспансией *светского* стиля в русскую культуру приблизительно два с половиной столетия назад. Нередко *светский* и *гламурный* абсолютные синонимы, как в следующих примерах:

Ксения отправится по светским вечерам, фитнес-центрам, выставкам и концертам – местам, где можно встретить претендента на руку и сердце. Комсомольская правда; 14.02.2008.

Пользуясь журналистскими связями, доставала ей приглашения на гламурные вечеринки, где подруга заводила новые знакомства. Комсомольская правда; 20.12.2008.

На мой взгляд, противопоставление *дендизма* как старого стиля и *гламура* как нового стиля (с. 158-159) малоинформативно: исторически *дендизм*, заимствованный из английского романтизма, был противопоставлен *светскому стилю*, заимствованному из куртуазной французской культуры [Лотман 1994], поэтому выражение *светский денди*, строго говоря, оксюморон, однако это противопоставление уже давно и прочно забыто (Онегина называли *светским денди* еще критики начала XX века, например Анна Ахматова). Как и Казимеж Люциньский, я не знаю, почему в современной Польше традиции романтизма (и *дендизм* в их числе) забыты более прочно, чем в России, но общение со знакомыми поляками подтверждает правоту исследователя: даже Мицкевича, гордость польской литературы, сегодняшняя польская молодежь в целом знает гораздо хуже, чем русская – его современника Пушкина.

Думается, все то, что автор говорит об «аристократическом» *дендизме*, противопоставляя его современному «потребительскому» *гламуру*, должно быть сказано о *светском* стиле, поскольку сам по себе *дендизм* был явлением далеко не массовым и кратковременным, складывался практически одновременно с гораздо более повлиявшим на русскую культуру *декабризмом* и очень быстро перестал быть противопоставлен *светскому* стилю. Сегодняшние «светские люди» и «гламурные люди» – «утонченные прожигатели жизни», но при этом *светский человек* – это изначально аристократ, «представитель власти», *гламурный* же человек изначально представитель буржуазного общества, «потребитель».

Как нередко бывает с оригинальными исследованиями, некоторые недостатки монографии Казимежа Люциньского являются продолжением ее достоинств.

Складывается впечатление, что для точки зрения автора имели значение преимущественно социальные – ценностные и психологические – тенденции и ориентации в обществе, отказавшемся от официальной коммунистической идеологии, стремящемся поскорее перейти к «образу жизни развитого капитализма». В этом смысле увлечение социалингвистическими факторами кажется несколько из-

быточным, поскольку в результате исследования иногда недостает учета собственно лингвистических факторов. Впрочем, если учесть, что исследование посвящено влиянию заимствованных слов на ментальность – феномен, имеющий не только (и не столько) лингвистическую, сколько социопсихологическую природу, автора можно понять.

В заключение еще раз подчеркну: нельзя – и не надо! – «обнимать необъятное». Мне лично очень по душе «польскость» стиля Казимежа Люциньского, которую я вообще очень люблю и в науке, и в публицистике, и в художественной литературе, – но дело, конечно, не в этом, а в том, что «польский взгляд» на актуальные процессы русского языка – фактор, по моему убеждению, позитивный. Во-первых, «взгляд со стороны» всегда дает некоторую дополнительную объективность по сравнению с *native speakers*; во-вторых – польский язык (как и другие современные европейские – славянские и неславянские – языки) переживает похожую «варваризацию» как на уровне лексического состава, так и более глубоких лингвокогнитивных механизмов; в-третьих, польский и русский языки (и культуры) хотя и разные, но все-таки близкие – как и польские и русские современные научные традиции говорить о языковых процессах, и автору действительно «дано наблюдать параллелизм и даже тождество процессов в области экспансии “чужих” слов в два известных ему языка» (с. 4).

Конечно, было бы наивным ждать от новых английских заимствований в современном русском языке, что они будут вести себя совершенно по-другому, чем заимствования

в других языках и в другие периоды; как и ждать от новой когнитивной методик, что она полностью перевернет всю сложившуюся в лингвистике предшествующих периодов систему представлений о заимствованиях вообще, – очень хорошо разработанную (хотя и до когнитивной революции) теорию языковых контактов, интерференции и билингвизма, субстратов и адстратов и т.д.

Казимеж Люциньский и не предлагает революций и «простых эффектных решений» (впрочем, реконструкция концептуальных метафор на основе пришедших в язык заимствованных слов, внедряемых в сознание, есть безусловное новшество предлагаемого исследования), как и не претендует на то, чтобы сказать о таком сложном и неоднозначном явлении, как английские заимствования, «всё». Но он предлагает, с одной стороны, скрупулезный «честный» анализ, с другой стороны – нетривиальный взгляд знающего и яркого исследователя, и именно в этом, по моему мнению, состоит главная ценность монографии Казимежа Люциньского, которую я рекомендую как лингвистам-профессионалам, так и «широкой аудитории».

ЛИТЕРАТУРА

Дешеева В.В. Агональность в телевизионном дискурсе (на материале современных российских телешоу): Автореф. дис. .... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010.

Эпштейн М. Слова года: Гламурный год под знаменем политконкретности // Независимая газета НГ Ex Libris. 17.01.2008.

Лотман Ю.М. Дендизм // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994.

© Дементьев В.В., 2010